

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

МЕЖДУ СВЕТОМ
И ТЕНЬЮ

Сергей Патрушев

Между Светом и Тенью

«Автор»

2026

Патрушев С.

Между Светом и Тенью / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса Пантелеева подводит итоги «Проекта Аврора», отвергая математику в пользу экзистенциальной экономики. Главный тезис: свобода воли — это кредит под грабительский процент, а счастье побочный продукт слепоты.

Анализируя судьбы шахтера Ильи, бизнесмена Виктора и иконы Ланы, автор доказывает: люди просят не любви или покоя, а анестезию от самих себя. Проводник Эл — не дьявол, а идеальное зеркало, исполняющее запросы буквально. Трусость названа осознанным выбором, а самообман единственным способом выжить. Приняв абсолютную цену каждого выбора, Алиса теряет право на невинность, становясь вечным свидетелем человеческого торга.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Книга	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Патрушев

Между Светом и Тенью

Глава 1. Книга

Пыль пахла старой бумагой, горьким миндалем и забвением.

Алиса чихнула, и звук, сухой и громкий, разлетелся по залу, словно выстрел из детского пистолета. Он ударился о высокие сводчатые потолки, проскакал между бесконечными рядами дубовых стеллажей и увяз где-то в недостижимой высоте, среди кованых балок. В Главной библиотеке университета стояла та особенная, густая тишина, которая бывает только в местах, где люди давно перестали читать бумажные книги.

Здесь, на самом верхнем, четвертом ярусе, время, казалось, загустело. Нижний этаж, где стояли глянцевики новинки, монографии по экономике и зал с компьютерами, гудел жизнью. Там пахло кофе из автомата и озоном. Здесь пахло смертью.

Алиса пришла сюда не за знаниями. Она пришла прятаться.

За неделю до этого ее жизнь, выстроенная с такой пугающей педантичностью, рухнула. Красная папка с надписью «Проект "Аврора"» лежала сейчас в мусорном ведре в кабинете профессора Вишневецкого. Год работы. Тысячи часов вычислений, бессонные ночи над формулами квантовой запутанности, пропущенные дни рождения младшей сестры, ссора с Марком, который в итоге назвал ее одержимой социопаткой и ушел. Все это уместилось в тонкую картонную корку, которую профессор, даже не открыв, брезгливо сдвинул на край стола. — Алиса, — сказал он тогда, поправляя очки в дорогой оправе. — Это красивая математика. Абстрактная, изящная, абсолютно бесполезная. Вы пытаетесь описать то, чего не существует. Свободу воли в детерминированной системе. Это оксюморон. Идите пишите диплом по прикладной криптографии. Там хотя бы есть гранты.

Свобода воли. Детерминизм. В тот момент она чувствовала себя не просто отвергнутой. Она чувствовала себя переменной, которую исключили из уравнения за ненужность. Если ее выбор, ее страсть, ее жертва ничего не значат, если все предопределено биохимией ее мозга и случайным набором генов, то зачем вообще дышать?

Она сбежала из деканата, спустилась на лифте в подвал, прошла через вечно открытую дверь с табличкой «Только для персонала» и оказалась в лабиринте запасников. Она петляла между стеллажами, пока не уперлась в тупик. Тяжелая, обитая потускневшей медью дверь вела в комнату, которой не было ни на одной схеме здания.

Комната была круглой. Куполообразный потолок сходил в центре, где висела единственная голая лампочка, бросающая тусклый, болезненно-желтый свет. Стены от пола до самого верха были забиты книгами. Но это были не те книги, что она привыкла видеть. Здесь не было ни одного пластикового корешка, ни одной стандартной библиотечной наклейки.

Книги были одеты в кожу — черную, как вакса, белую, как кость, серую, как пепел, и темно-бордовую, засохшую до цвета венозной крови. На многих переплетах не было ни названия, ни автора. Только тиснение. Линии, спирали, геометрические узлы, напоминающие одновременно нейронные сети и древние руны.

Алиса провела пальцами по ближайшему ряду. Кожа была холодной, почти ледяной, и странно податливой, словно живой. Она искала не информацию. Она искала аномалию. Что-то, что не вписывается в систему. Что-то, что профессор Вишневецкий назвал бы ошибкой, а она — чудом.

Она шла вдоль полок, и ее шаги тонули в толстом ковре, который когда-то был красным. Воздух здесь был настолько спертым, что каждый вдох давался с трудом, обжигая легкие. Она

чувствовала, как уходит время, отведенное на ее исчезновение. Скоро охрана сделает обход. Скоро ее начнут искать. Но страх куда-то испарился, оставив после себя звенящую, болезненную пустоту.

В самом дальнем углу, за массивным письменным столом из черного дерева, который выглядел так, будто за ним работал еще Коперник, она увидела ее.

Книга не стояла на полке. Она лежала на столе, придавив собой стопку пожелтевших пергаментов. Она была меньше остальных, почти квадратная. Ее переплет не был сделан из кожи. Он был из материала, который Алиса не смогла опознать. Матовый, поглощающий свет лампочки, он казался вырезанным из самой густой тени.

На обложке не было ничего, кроме одного символа.

Он был вытиснен без единой капли краски, но казался абсолютно черным. Две вертикальные линии, перечеркнутые одной горизонтальной, но не ровно, а с легким, едва заметным изломом, словно кардиограмма замерла на пике. Справа от линий, там, где должно было быть пустое пространство, проступал негативный отпечаток — тот же символ, но белый, светящийся изнутри, как фосфор в темноте. Черное и белое. Плюс и минус. Выбор и отказ.

Алиса знала, что ей нельзя ничего трогать. Это закрытый архив. Инкунабулы. Ее исключат из университета в ту же секунду. Но ее рука, вопреки всем сигналам парализованного страхом мозга, сама потянулась вперед.

Пальцы коснулись не обложки. Они прошли сквозь нее.

Это не было похоже на прикосновение к ткани или дереву. Ощущение было таким, словно она опустила руку в ледяную, абсолютно неподвижную воду. Не было ни сопротивления, ни влаги. Только мгновенный, парализующий холод, который рванулся от кончиков пальцев вверх по руке, ударил в грудь, перехватил дыхание и потянул за собой.

Свет лампочки над головой не мигнул. Он просто схлопнулся, втянулся сам в себя, превратившись в точку, а затем исчез. Звук ее собственного дыхания оборвался. Исчез запах пыли и старой кожи. Исчез вес ее собственного тела.

Алиса падала. Но падала не вниз. Она падала во все стороны одновременно. Это не было движением в пространстве, это было растворением структуры. Ее сознание, привыкшее оперировать четкими категориями — «я», «здесь», «сейчас», — заматалось в панике. Она попыталась закричать, но у нее больше не было легких. Она попыталась закрыть глаза, но у нее не было век. Она была чистой информацией, точкой данных, летящей сквозь абсолютную, непроницаемую пустоту.

А потом падение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Она не ударилась о землю. Она просто осознала, что снова имеет границы. У нее были руки, ноги, кожа. Она стояла на твердой поверхности.

Алиса судорожно вдохнула. Воздух здесь был другим. В нем не было ни пылинки. Он был стерильным, прохладным и пах озоном после грозы и чем-то металлическим, похожим на кровь.

Она открыла глаза.

Она стояла на мосту. Но это был не мост через реку. Это была бесконечно длинная, идеально прямая эстакада, висящая в серой, клубящейся пустоте. Под ногами — гладкий, похожий на черный обсидиан материал, в котором не отражалось ничего. Ни ее самой, ни неба.

Неба здесь тоже не было. Над головой клубился такой же серый, вязкий туман, из которого изредка с сухим треском срывались ветвящиеся молнии. Но они не били в эстакаду. Они просто гасли, не долетая до нее нескольких метров, словно натываясь на невидимый купол.

Алиса сделала шаг. Подошва ее кроссовок издала глухой, неестественный звук. Она посмотрела на свои руки. Они дрожали. На левом запястье, там, где раньше был тонкий серебряный браслет, теперь тускло светился тот самый символ с обложки — две черные линии и белая молния. Клеймо. Или серийный номер.

— Синхронизация прошла успешно, — произнес спокойный, лишенный эмоций голос за ее спиной. — Уровень нейронного отклика в пределах нормы. Добро пожаловать, Алиса.

Она резко обернулась, выставив перед собой руки, готовая то ли ударить, то ли защититься.

Он стоял в трех шагах от нее. Высокий, на голову выше ее, и пугающе неподвижный. На нем была форма, состоящая из двух цветов, разделенных с геометрической точностью. Левая половина его тела — от макушки до носка начищенного ботинка — была одета в глухой черный цвет. Правая — в ослепительно белый. Граница проходила ровно по центру его лица, деля прямой нос, плотно сжатые губы и волевой подбородок на две идеальные половины. Только глаза у него были одного цвета — стального, серого, холодного.

Его форма напоминала строгий военный мундир, но без знаков различия. На груди, там, где должно быть сердце, тоже был вытиснен тот же черно-белый символ.

— Кто вы? — голос Алисы сорвался на хрип. — Где я? Что это за место?

Мужчина едва заметно склонил голову. Это движение было лишено человеческой суеты, оно напоминало работу идеально смазанного шарнира. — Ты можешь называть меня Эл. Я — Проводник. А это, — он обвел рукой серую пустоту, — не место. Это — Интерфейс. Буферная зона между нулем и бесконечностью. Техническая необходимость, чтобы твой разум не сгорел при первом переходе.

— Переходе? — Алиса попятилась, пока ее лопатки не уперлись в холодный парапет моста. — Я была в библиотеке. Я коснулась книги. Это какой-то розыгрыш? Скрытая камера? Вы накачали меня наркотиками?

Эл медленно покачал головой. Его черно-белое лицо не выражало ничего, кроме вежливого, клинического интереса. — Твой разум химически чист. Мы не используем примитивные методы вашей реальности. Книга, которую ты нашла — это Резонатор. Точка прокола. Твой мозг, истощенный поиском смысла в хаотичной системе, вошел в резонанс с частотой этого мира. Ты не спишь. Ты здесь более реальна, чем была там.

— «Мы»? — зацепилась за слово Алиса. — Сколько вас? — Достаточно, чтобы поддерживать баланс, — уклончиво ответил Эл. — Алиса, я знаю, почему ты здесь. Я знаю о профессоре Вишневском. О «Проекте Аврора». О твоём неверии в детерминизм. Ты искала доказательство того, что выбор имеет значение. Ты его нашла.

Он сделал шаг вперед. Эстакада под его ногами не издала ни звука. — Твой мир, Алиса, — продолжил он, и его голос впервые приобрел оттенок, похожий на сожаление, — это мир статистической вероятности. Там правит закон больших чисел. Выбор одного человека — это статистическая погрешность. Шум. Но есть и другие архитектуры реальности. Миры, построенные на иных аксиомах. Я здесь, чтобы показать тебе один из них. Мир, где каждый выбор имеет не просто последствия. Он имеет Цену.

— Цену? — переспросила Алиса. — В деньгах? В годах жизни? — В причинно-следственных связях, — ровно ответил Эл. — В этом измерении закон сохранения работает иначе. Энергия не берется из ниоткуда. Если ты хочешь изменить вектор события, ты должна отдать за это эквивалентную часть своей реальности. Хочешь, чтобы поезд пришел вовремя — отдай час своего сна. Хочешь, чтобы человек тебя полюбил — отдай свою способность любить кого-то другого. Хочешь спасти чью-то жизнь — отдай часть своей собственной. Буквально. Каждая сделанная клетка, каждый удар сердца. Выбор всегда оставляет шрам.

Алиса слушала его, и холодный ужас, который она испытывала в первые секунды, начал медленно уступать место чему-то другому. Это было знакомое ей чувство — лихорадочный азарт исследователя. То, за что ее называли одержимой. — Это невозможно, — прошептала она, но в шепоте не было уверенности. — Нарушает законы термодинамики. Информационную энтропию. Это... — Это просто другая математика, — перебил ее Эл. — Более честная.

Он протянул ей руку. Его ладонь была теплой, но там, где кожа касалась ее пальцев, Алиса почувствовала легкое покалывание, словно от слабого электрического тока. На его ладони тоже светился символ. — Я не буду тебя заставлять, — сказал он. — В этом мире принуждение — самый дорогой товар, и у меня на него нет бюджета. Первый переход всегда добровольен. Но учти: если ты сейчас скажешь «нет» и закроешь глаза, ты проснешься на полу в той круглой комнате. Ты вернешься к Вишневному, допишешь диплом по криптографии, выйдешь замуж за Марка, который тебя не понимает, родишь двоих детей и умрешь в семьдесят четыре года от сердечной недостаточности, так и не узнав, на что была способна твоя голова. Это не плохо. Это просто... детерминировано.

Алиса посмотрела на его черно-белую фигуру, на серую пустоту за парашютом, на свое клеймо на запястье. Она вспомнила лицо профессора, сминающего красную папку. Вспомнила пустоту, которая поселилась в ее груди после его слов.

Она не хотела умирать от сердечной недостаточности, не зная.

— Куда мы идем? — спросила она, не убирая своей руки.

Ладонь Эла сжала ее пальцы. Его хватка была твердой, как сталь. — В Первый Сектор. В город, где торгуют виной. Там ты поймешь, как работает базовый тариф.

Он не сделал ни одного физического движения. Не было вспышки, не было вихря. Просто серый туман вокруг эстакады мгновенно сгустился, потяжелел, превратился в черную маслянистую жидкость, которая рванула вверх, и Алиса почувствовала, как ее внутренности сворачиваются в тугой узел. На один удар сердца она снова перестала существовать, а затем ударилась коленями о твердую поверхность.

Вонь ударила в нос первой. Смесь гниющего мусора, дешевого табака, мокрой штукатурки и нечистот.

Алиса закашлялась, инстинктивно зажимая нос. Она стояла на коленях посреди узкой, изгибающейся улочки. Под ногами хлюпала грязь, в которой плавали обрывки газет на незнакомом языке.

Здесь не было серого тумана. Небо над головой было низким, давящим, цвета застиранных бинтов. Солнца не было, но город заливал тусклый, болезненно-оранжевый свет, исходящий от редких газовых фонарей.

Эл стоял рядом. Его черно-белая форма выглядела в этом пейзаже чудовищным кошмаром, оскорблением всех законов грязи и упадка.

— Поднимайся, — сказал он, помогая ей встать. — И не трогай стены.

Алиса огляделась. Они находились в каменном мешке. Дома, высотой в шесть-семь этажей, нависали над улицей так плотно, что неба почти не было видно. Балконы, заржавевшие и перекошенные, были увешаны сохнувшим бельем, которое никогда не станет чистым. Но главное — это были звуки.

Город не спал. Он стонал.

Откуда-то сверху доносился монотонный плач ребенка. Слева, из подворотни, — влажный, хриплый смех и звон бьющегося стекла. Где-то впереди, в глубине улицы, надрывался граммофон, играющий забытую, изломанную мелодию.

Люди. Они двигались по узким тротуарам, ссутулившись, пряча лица в воротники грязных пальто. Они не разговаривали друг с другом. Каждый был заперт в невидимом пузыре своего личного ада.

Алиса сделала несколько неуверенных шагов и замерла. Она увидела витрину полуподвальной лавки. За мутным, засиженным мухами стеклом на бархатных подушках лежали предметы.

Старомодные карманные часы. Рядом с ними лежала маленькая детская туфелька. Чуть дальше — обручальное кольцо, продетое через пожелтевшую фотографию улыбающейся пары.

Эл подошел и встал рядом, заслоняя собой часть витрины. — Бюро компенсаций, — пояснил он, не глядя на нее. — Самое популярное заведение в Первом Секторе.

— Что они продают? — голос Алисы дрожал от подступающей тошноты.

— Они продают чужое время, — Эл кивнул на часы. — Видишь цену? Пять лет. Кто-то отдал пять лет своей жизни, чтобы этот механизм всегда показывал точное время и никогда не ломался. Механизм теперь впитал их старение.

Он указал на туфельку. — Ребенок перестал болеть. Его мать отдала способность ходить. Она сидит сейчас в квартире наверху, смотрит в стену, ее ноги парализованы, но сын бегает во дворе.

— Это чудовищно, — выдохнула Алиса.

— Это честно, — возразил Эл. — В твоем мире мать тоже отдала бы способность ходить за сына. Но там это происходит медленно, через ипотеку, через выгорание на трех работах, через разрушенную психику. Результат тот же — ребенок здоров, мать мертва духовно. Здесь просто нет посредников. Прямая транзакция.

Он повернулся к ней. Его черно-белое лицо было бесстрастным, но в стальных глазах мелькнуло что-то, похожее на проверку. — Твой Проект «Аврора», Алиса. Твоя попытка математически доказать свободу воли. Ты хотела создать формулу, которая позволит человеку влиять на вероятности.

Алиса вздрогнула. Откуда он знает детали? — Представь, — продолжил Эл, — что твоя формула заработала. Что ты дала человечеству инструмент. Прямой доступ к управлению причинностью. Без моего Интерфейса. Без системы Цен.

Он сделал паузу, давая ей осознать масштаб. — Что бы они сделали в первую очередь? Вернули бы мертвых. Спасли бы детей от болезней. Отменили бы войны. Это благородно. Миллионы транзакций. Миллиарды спасенных жизней.

Эл протянул руку и коснулся холодного стекла витрины прямо над обручальным кольцом. — А теперь посчитай баланс. Если ты спасаешь миллиарды, которые должны были умереть, куда девается их смерть? Если ты возвращаешь людей, которые должны были уйти, куда девается пустота, предназначенная для них? Если ты отменяешь боль, куда она уходит? Энергия не исчезает. В системе без Цены она просто перекладывается на кого-то другого.

Он повернулся и посмотрел на Алису в упор. Его правый, белый глаз казался слепым от яркого света, которого здесь не было. Левый, черный, затягивал в глубину. — Твоя формула, Алиса, не создала бы рай. Она создала бы самую жестокую тиранию во всех измерениях. Счастье миллиардов было бы куплено агонией единиц. Ребенок выживает после лейкоза, потому что в другом конце мира цунами смывает город со ста тысячами жителей. Пожилая женщина встречает внуков на Рождество, потому что где-то в этот же миг истребитель падает на детский сад. Ты хотела доказать свободу воли, а создала бы самый совершенный в истории механизм жертвоприношения.

Алиса отшатнулась. Улица качнулась перед глазами. Запах гниения стал невыносимым. — Я не знала... Я просто хотела, чтобы люди могли выбирать...

— Ты хотела, чтобы они могли выбирать *выигрышные* варианты, — жестко отрезал Эл. — Бесплатно. Но бесплатных выборов не бывает. Есть только те, где цена скрыта. В твоем мире вы платите за иллюзию безопасности своим будущим. Вы платите за комфорт своим вниманием. Вы платите за любовь своим одиночеством. Вы просто не берете чек.

Он взял ее за локоть и повел прочь от витрины, вглубь воняющей сыростью улицы. — Поэтому ты здесь. Я не собираюсь тебя судить. Проводники не судьи. Мы — библиотекари. Я просто показываю тебе полки.

Они вышли на небольшую площадь, мощеную скользкими от слизи булыжниками. Посреди площади стоял фонтан. Но из него не била вода. Из пастей каменных химер, укра-

шающих чашу, сочилась густая, черная жидкость, похожая на нефть. Она не растекалась, а застывала причудливыми, острыми сталактитами.

Вокруг фонтана стояли люди. Десятки людей. Они молчали. Они просто смотрели на черную жижу.

Эл остановился. — Это Площадь Неотданных Долгов, — сказал он тихо. — Те, кто попытался обмануть систему. Кто взял Цену, но решил не платить.

Один из стоящих у фонтана — старик в лохмотьях — вдруг пошатнулся. Его тело начало стремительно усыхать, как забытое на солнце яблоко. Кожа натянулась на черепе, глаза провалились. Он открыл беззубый рот в беззвучном крике и осыпался на камни горсткой сухой пыли. Никто из окружающих даже не повернул головы. Черная жидкость в фонтане едва заметно дрогнула и поднялась на сантиметр выше.

— Видишь? — спросил Эл. — Баланс восстановлен. Смерть все равно забрала свое. Она просто сделала это некрасиво. Болезненно.

Алиса зажала рот рукой, сдерживая рвотный позыв. Ее колени подогнулись. — Хватит, — прошептала она. — Пожалуйста, хватит. Я поняла. Я все поняла. Отпусти меня. Я хочу проснуться.

Эл посмотрел на нее сверху вниз. Впервые за все время его идеальная, симметричная маска дала трещину. Уголок его губ, на белой стороне лица, дернулся вверх в подобии улыбки, которая выглядела как порез. — Проснуться? — переспросил он. — Алиса, ты даже не спишь. Ты просто впервые открыла глаза.

Он отпустил ее локоть. — Первый урок окончен. Ты увидела, как работает мир, где за каждый вдох нужно расписываться кровью. Мир абсолютной, жестокой справедливости.

Он отступил на шаг назад, и черно-белая форма начала странно преломлять тусклый свет фонарей. — Теперь выбор за тобой. Настоящий выбор. Не тот, что в твоей диссертации.

— Какой выбор? — выдавила она, цепляясь за остатки самообладания.

— Ты можешь возненавидеть этот мир, — голос Эла стал тихим, почти гипнотическим. — Возненавидеть меня. Закрыться. И тогда твой разум, защищаясь от травмы, вытолкнет тебя обратно. Ты вернешься в библиотеку. Твоя рука будет болеть от холода, но книга на столе будет самой обычной. Ты забудешь этот запах. Забудешь фонтан. Ты пойдешь к Вишневскому, извинишься, и он примет тебя обратно в свою уютную, предсказуемую тюрьму. Твой выбор будет стоить тебе этого знания. Это хорошая цена. Дешевая.

Он сделал еще шаг назад, растворяясь в тенях. — Или, — продолжил он, и его голос теперь звучал отовсюду и ниоткуда одновременно, — ты можешь признать, что профессор был прав в одном: твоя математика была слишком мягкой. Ты можешь решить, что мир заслуживает не просто формулы, а нового закона. Что систему можно не только взломать, но и переписать. Что Цену можно изменить.

Алиса смотрела на то место, где он стоял. В ушах шумела кровь. Перед глазами стояло лицо иссыхающего старика. — Что ты от меня хочешь? — крикнула она в пустоту.

Черно-белый символ на ее запястье вспыхнул ледяным огнем, причиняя острую, почти невыносимую боль.

— Я ничего не хочу, — эхом ответил голос Эла. — Но этот мир, Алиса, построен на дефиците. Дефиците милосердия. Твой Проект «Аврора» был попыткой создать бесконечную энергию из ничего. Я предлагаю тебе нечто иное. Создать бесконечное милосердие. Но для этого тебе придется отдать единственное, что у тебя есть. Свое право на спокойную жизнь.

Туман снова начал сгущаться. Оранжевый свет фонарей истончился, превращаясь в нити, которые рвались одна за другой. — Если ты выберешь остаться, — донеслось из пустоты, — мы встретимся в Секторе Надежды. Там торгуют будущим. Посмотрим, какую Цену ты запросишь за свое.

Пространство схлопнулось. Алиса рухнула на четвереньки. Под ее ладонями был не слизистый булыжник, а толстый слой вековой пыли.

Она подняла голову. Она снова была в круглой комнате библиотеки.

Тусклая лампочка под потолком все так же отбрасывала желтый свет. Книги в кожаных переплетах стояли неподвижно. На столе, придавив пергаменты, лежала та самая книга с черно-белым символом.

Ее левое запястье горело так, словно его прижгли раскаленным железом. Алиса задрала рукав свитера. На бледной коже, прямо поверх вен, проступал тончайший, как от лазера, шрам. Две черные вертикальные линии, перечеркнутые изломанной чертой, и белая молния справа. Клеймо не смывалось. Оно пульсировало в такт ее испуганному сердцу.

Она посмотрела на свои руки. Они были чистыми. На них не было ни грязи, ни черной сажи. Она поднесла ладони к лицу. Они дрожали.

Алиса медленно повернула голову. Профессор Вишневский. Марк. Диплом по криптографии. Сердечная недостаточность в семьдесят четыре года.

Это больше не выглядело как безопасная гавань. Это выглядело как эпикриз. Она посмотрела на книгу. Символ на обложке, казалось, стал глубже, объемнее. Он втягивал в себя свет комнаты.

Алиса сделала шаг к столу. Затем еще один. Она не стала убирать руку с пульсирующим клеймом. Она положила вторую ладонь прямо на черно-белый символ на обложке.

Кожа под ее пальцами не была холодной. Она была обжигающе горячей. Мир вокруг снова начал терять плотность, превращаясь в серый шум. Она не закрыла глаза. Она шагнула в него, как в открытую воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.